

Слушая подробное описание механизма мошенничества на экзаменах, некоторые чиновники уже не могли сдерживать бурлящую в них скорбь и гнев — они рвались немедленно подать прошение императору. Но один лишь взгляд государя заставил их замолчать.

— Тс-с... Внимательно слушайте, — произнёс император. — Послушаем, какие же ходы приготовил наш десятый сын.

Придворные мгновенно поняли: судьба Чу-вана решена окончательно. Надежды больше нет.

Ли Чжао похолодел спиной от этих слов. Ему показалось, что в следующее мгновение в него полетит трость. Отец становился всё страшнее.

«А как же поступил Святой Предок? Подал донос отцу? Инициировал обсуждение на заседании двора? Нет-нет-нет! Это слишком банально и совершенно не соответствует уровню Святого Предка.

В то время он прекрасно понимал негласное правило: „наказанию не подлежат высокопоставленные“. Если бы он просто представил доказательства, можно было бы добиться лишь видимости справедливости. Ведь Чу-ван — принц с „золотой табличкой помилования“. В худшем случае его просто поместили бы под домашний арест. А если бы его сторонники умело сыграли, он вообще избежал бы обвинений в главенстве заговора и продолжил бы жить себе спокойно, чистым и невинным в глазах общества.

Но Святой Предок стремился к другому: чтобы правда стала достоянием всего народа, чтобы убийцы понесли наказание и чтобы все, кто пострадал от несправедливости, обрели справедливость».

Эти слова заставили некоторых чиновников побледнеть. Кто мог поручиться, что он или его род никогда не совершал ошибок? Стоит ли радоваться приходу к власти императора, который отвергает принцип „высокопоставленных не наказывают“? Этот вопрос требовал глубокого размышления.

«Поэтому он решил использовать сердца миллионов как меч, чтобы разрубить клетку несправедливости на экзаменах. Именно он стоял за слухами о подтасовках на экзаменах и за народными сказаниями, прямо обвиняющими Чу-вана.

Подумайте сами: только что завершились провинциальные экзамены, и тысячи провалившихся кандидатов были готовы взорваться от малейшей искры. Как только запустили эту волну — эффект был ошеломляющим! Учёные немедленно объединились и подали коллективную

петицию с требованием официального разъяснения.

Реакция двора была предсказуема: „Как так? Проверять принца? Только потому, что несколько простолюдинов потребовали? Где же тогда авторитет императорского дома? Надо подавить!“
Власти быстро отправили войска для разгона толпы и арестовали зачинщиков, надеясь, что несколько дней в темнице сделают их послушными.

Но в самый напряжённый момент, когда столкновение вот-вот должно было перерасти в бунт, наступила перемена. На сцену вышел Мин Чжэнь — сын Первого министра, сам недавно блестяще сдавший провинциальные экзамены и занявший первое место. Это стало первым легендарным союзом будущего императора и канцлера.

Оказалось, группа Чу-вана, стремясь уничтожить улики и подготовить козла отпущения, заранее устранила того самого бедного ученика, чью работу подменили! Но они не знали, что за ними наблюдают. Святой Предок именно этого и ждал — чтобы они сами выдали себя этим жестоким ходом.

На следующий день Мин Чжэнь привёл едва выжившего, тяжело раненного ученика прямо к „Барабану народных жалоб“ и подал обвинение против Сюй Туна — сына заместителя министра по делам чиновников. Обвинение, однако, не касалось напрямую Чу-вана и подтасовок на экзаменах, а звучало как „плагиат на экзаменах и найм убийц“».

Когда министр услышал, что его сын тоже замешан, лицо его побелело, и он чуть не лишился чувств. Но Небесный Экран, разумеется, никого не щадил и продолжал вещать.

«Этот ход был гениален. Раз нельзя было сразу обвинить Чу-вана — начали с мелкой сошки. Власти могли заявить, что доказательств подтасовок недостаточно, но улики по делу о найме убийц были железными, да и сам Сюй Тун действительно был бездарью. Дело пришлось возбуждать.

Мин Чжэнь, будучи победителем экзаменов и сыном Первого министра, мгновенно собрал вокруг себя всех угнетённых учёных. За них даже выступили известные литераторы, создав колоссальное давление общественного мнения. Власти были вынуждены публично предъявить работы Сюй Туна и бедного ученика.

И тогда на суде разыгралась классическая сцена разоблачения: Сюй Тун, глядя на сочинение с собственным именем, не мог ответить ни на один вопрос. А бедный ученик блестяще разбирал каждую мысль своего текста, демонстрируя глубокое понимание.

Теперь всё стало ясно: Сюй Тун украл чужую работу! Новость мгновенно разлетелась по всей столице. Император пришёл в ярость. Сюй Туна посадили в тюрьму, и таким образом наконец открылось окно для расследования всей системы подтасовок на экзаменах!»

«Однако радость длилась недолго. Тот самый Сюй Тун, назначенный козлом отпущения, внезапно „покончил с собой“ в тюрьме и оставил „признание“, в котором брал всю вину на себя.

Любой здравомыслящий человек сразу понял: это была попытка „отбросить хвост“, чтобы спасти главное тело. Неужели этот ничтожный повеса Сюй Тун мог сам организовать всё это? Да кому такое поверит!

Именно этого момента и ждал Святой Предок. Он немедленно приказал всем своим чайханям и трактирам запустить новую волну: историю о том, как Пан Ину украли экзаменационную работу и как потом вырезали весь его род. Эти истории превратились в захватывающие эпизоды народных сказаний и за одну ночь распространились по всей столице. Пламя несправедливости на экзаменах вспыхнуло теперь в виде кровавой мести.

Народный гнев закипел, и пути назад уже не было. Не только столичные учёные, но и простые люди со всей страны пришли в ярость. Эти сказания, словно искры, разнеслись по всей империи. Люди из провинций сами приезжали в столицу, требуя полного расследования. Общественное мнение вышло из-под контроля и превратилось в ураган, охвативший всю страну.

Неужели на этом всё закончилось? Конечно нет! Самый гениальный ход Святого Предка только начинался!

Он прекрасно понимал: он танцует на лезвии, вынуждая императорскую власть уступить. Если бы он ошибся, его сторонников объявили бы бунтовщиками — и всё рухнуло бы. Поэтому он совершил гениальный манёвр: он сам написал императору идеальный финал!

Он велел рассказчикам изменить тон и начать воспевать, как мудр и прозорлив император, как он мужественно отстаивает справедливость и восстанавливает честь Пан Ина! Этот ход стал древней версией „морального шантажа“».

На троне лицо императора оставалось непроницаемым в свете небес, но когда прозвучало слово «моральный шантаж», пальцы на подлокотнике слегка сжались — настолько, что на тыльной стороне руки дрогнула жилка. Однако Небесный Экран не дал никому передохнуть.

«В этом замысле было три уровня:

Во-первых — выход для народного гнева: как только люди услышали, что император мудр и справедлив, их ярость утихла.

Во-вторых — лестница для императорской власти: государь увидел готовый сценарий, следуя которому можно было проявить добродетель правителя и одновременно усмирить смуту.

В-третьих — золотая корона: самое гениальное — это то, что императора посадили на пьедестал „мудрого правителя“. Теперь ему физически невозможно было не последовать этому сценарию, где он „жертвует сыном ради справедливости“. Для Высокого Предка такой поступок выглядел бы как предательство отца, но, к счастью, Высокий Предок так и не узнал, что всё это устроил его собственный сын.

Этот ход стал вершиной открытого замысла: „Я открыто хвалю тебя, но ты обязан поступить именно так, как я хвалю. Иначе ты — тиран“. Какой же великий правитель не заботится о своей репутации?»

«В итоге приговор двора полностью оправдал ожидания: Чу-ван и его ближайшие сообщники были приговорены к смерти; министр по делам чиновников — повешен; всё имущество конфисковано, семьи сосланы. Все участники заговора понесли суровое наказание. Дело о подтасовках на экзаменах было закрыто.

В двадцать втором году эпохи Юаньхэ Святой Предок спас Пан Ина. В двадцать шестом году он помог ему отомстить за кровавую трагедию. Но эта месть была не только ради одного человека — она зажгла в сердце Святого Предка пламя, которое после его восшествия на престол сожгло прогнившую старую систему и породило новые экзаменационные и образовательные реформы.

Поздние историки единодушно писали о расцвете литературы и культуры в империи Шэн. Возможно, всё началось именно с той грандиозной партии, которую Святой Предок когда-то разыграл ради одного книжника».

«На этом выпуск программы „История в лицах“ завершён! Восхитились ли вы гением и стратегией Святого Предка? Делитесь впечатлениями в комментариях!

Анонс следующего выпуска: Кто станет героем эпохи литературного расцвета? Ждите!»

Небесный Экран исчез. Последние игривые слова «восхитились ли вы?» ещё звенели в высоких

сводах Золотого Зала, контрастируя с мёртвой тишиной на дворцовой площади.

Все чиновники остолбенели, будто их заколдовали. Казалось, малейшее движение вызовет гнев, грозящий с трона.

«Восхитились?» Кто осмелится?! Этот будущий император — не гений стратегии, а дерзкий бунтарь, посмеявшийся обмануть собственного отца и поставить его в рамки!

Фразы вроде «открытый замысел», «моральный шантаж», «не поступишь так — будешь тираном» вонзались в сердца опытных придворных, знавших все правила игры власти.

Они предпочли бы сейчас потерять сознание, лишь бы не встречаться взглядом с императором в его молчаливой ярости.

«Неудивительно, что он рос под личным наставничеством Его Величества», — мелькнуло у кого-то в мыслях, но тут же было подавлено.

Этот ум, эта воля... Он превзошёл учителя. Только применять такие методы к собственному отцу — уж слишком „благочестиво“.

Многие задумались и о другом: может ли простой народ, без чинов и должностей, быть настолько силён, чтобы заставить императора казнить собственного сына? Это переворачивало всё их мировоззрение.

Ли Чжао уже давно опустился на колени — ещё с тех пор, как Небесный Экран произнёс «моральный шантаж» и «сын-разоритель, обманувший отца». Это не было притворством — он искренне дрожал от страха.

Всё пропало. На Небесном Экране его будущее „я“ действовало из тени, прикрываясь народным гневом и общественным мнением. А теперь его настоящее „я“ оказалось раздетым донага перед отцом и всем двором. Все его замыслы и расчёты были вывернуты наизнанку. Он уже чувствовал ледяной взгляд с трона.

Он мысленно стонал: хотя суть событий и была передана верно, но когда все детали и особенно манипуляции с отцовскими чувствами выложены так открыто — это уже совсем другое дело.

Это уже не „грандиозная партия ради книжника“, а „мятеж сына, посмеявшегося шантажировать отца“! Он лишь молил небеса, чтобы отец, учитывая, что всё делалось ради справедливости, при наказании сохранил ему хоть каплю достоинства. В конце концов, он же хрупкий...

В этот момент его мысли невольно обратились к тому месту, где Небесный Экран внезапно оборвал повествование. Странно... Почему рассказ завершился сразу после мести Пан Ина?

По их данным, Чу-ван был, конечно, главным заказчиком, а министр — пособником. Но это дело тянулось годами, и сеть интересов была запутанной и глубокой.

В его замысле правда не должна была обрываться здесь. Неужели произошло что-то ещё? Почему Небесный Экран об этом не упомянул? Неужели исторические записи будущего утеряны... или кто-то сознательно скрыл часть правды?

Эта мысль заставила его сердце сжаться. Может быть, и то, что они видели, — ещё не вся правда? Не осталось ли в тени чего-то, что не затронула даже та грандиозная чистка?

— Хм...

С трона донёсся лёгкий смешок, разрушивший застывшую тишину. Звук был тихим, но все мгновенно опустили головы ещё ниже.

Император медленно крутил нефритовое кольцо на большом пальце и смотрел вниз — на фигуру у ступеней трона. На своего десятого сына. На будущего „Святого Предка“.

Образ молодого человека с Небесного Экрана — того, кто одним движением руки управлял и народом, и сердцем императора — удивительным образом сливался с образом его сына, сейчас столь покорно преклонившего колени.

Гневно ли ему? Конечно. Когда тебя так открыто использует собственный сын, а потом будущие поколения превращают это в учебный пример — ни один правитель не останется равнодушным. Особенно больно колола фраза: «К счастью, Высокий Предок так и не узнал, что всё это устроил его собственный сын». Он-то узнал. И узнал при всех.

Такая дерзость — включить собственного отца в свою игру — говорит о необычайной силе духа. Если направить такой ум и волю на благо государства — на расширение границ, очищение чиновничьего аппарата, укрепление страны и процветание народа — какие высоты можно достичь? Возможно, именно это и подтверждает упоминание о будущем литературном расцвете.

Но в этом и крылась главная опасность. Сын с таким разумом и решимостью, будущий „Святой Предок“, уже сейчас стоял перед ним на коленях. Его крылья ещё не окрепли, а он уже способен поднять такой шторм. Что же будет дальше?

<http://bllate.org/book/17167/1606419>